

DOI: 10.15688/jvolsu4.2015.4.16

УДК 39(091)

ББК 63.5

ДЕТИ СТАЛИНГРАДА: ПИЩЕВЫЕ ПРАКТИКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ¹

Марина Александровна Рыблова

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН,
профессор кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения,
Волгоградский государственный университет
ryblova@mail.ru
просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. На материалах ранее опубликованных воспоминаний, а также результатах интервьюирования 264 жителей Волгограда и области (детство которых пришлось на период Великой Отечественной войны) в статье дается анализ пищевых практик «детей военного Сталинграда». Выявляются и характеризуются кардинальные изменения, которые произошли в рационе питания детей, способах добычи пищи, ее обработки и потребления в период жизни в разрушенном бомбежками, осажденном, а затем и оккупированном городе.

Ключевые слова: антропология военного детства, детские стратегии и практики выживания в период войны, пищевые практики в условиях экстремальности, «дети военного Сталинграда», взаимопомощь.

В последнее время как зарубежные, так и отечественные исследователи все чаще обращаются к антропологическому подходу к изучению истории войн. В рамках этого подхода война определяется как систематическое коллективное убийство членов своего вида, но при этом «не как генетически предопределенное, а как возможное по генетическим основаниям культурное действие, служащее достижению определенных целей, которые, в свою очередь, имеют культурные корни» [11, с. 11]. Именно на изучение этих корней, а также культурно обоснованных поведенческих стереотипов участников и жертв военных действий направлен антропологический подход к изучению войн. В отличие от историков, обычно исследующих войны как межгосударственные акты коллективного насилия, культурные антропологи акцентируются на изучении положения на войне и отноше-

ния к ней различных возрастных, социальных, национальных, религиозных и других групп, которые рассматриваются не только как объекты государственной военной политики, но и как активные ее участники. В этой статье мы проанализируем стратегии и практики выживания «детей военного Сталинграда», выработанные ими в экстремальных условиях одной из самых кровопролитных битв в истории войн и связанные прежде всего с проблемой пропитания и борьбой с голодом.

Война внесла существенные изменения в практики питания мирного населения страны, в особенности тех, кто оказался на территориях ведения военных действий и в осажденных городах. Нередко в экстремальных условиях практически уходил из повседневной жизни не только застольный этикет, но и в целом понятие застолья и трапезы с присутствующими им культурными кодами и символами.

В некоторых случаях неприемлемыми для этого времени оказываются и такие понятия, как система или рацион питания, так как речь нередко должна идти не о систематическом употреблении пищи, а о редких случаях ее добычи и потребления. В данной ситуации, на наш взгляд, наиболее удачным оказывается понятие «пищевые практики», не имеющее пока общепринятого русскоязычного заменителя, но включающее в себя широкий спектр связанных с приготовлением и употреблением пищи культурных срезов: набор продуктов, способы их добычи, обработки, потребления и пр.

Существенно изменились, по сравнению с мирным временем, и пищевые практики сталинградцев, оказавшихся в условиях разрушенного, осажденного, а затем и оккупированного города. Детально исследовать эти изменения позволяют глубинные интервью, собранные в рамках реализации проекта РГНФ № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны»², опубликованные в двух сборниках [6; 7]. Эти материалы были дополнены нами ранее опубликованными воспоминаниями тех, чье детство пришлось на время Сталинградской битвы [1; 4; 5; 13; 14].

О том, как складывалась в Сталинграде и области ситуация с продовольствием в военное время, позволяют судить работы историков Н.В. Кузнецовой, Т.А. Павловой, Е.В. Австрийского и др. [2; 3; 10; 13]. В их исследованиях основное внимание уделено анализу роли государственных структур в обеспечении жителей города продовольствием. В ходе предпринятого нами исследования мы сфокусировали свое внимание на стратегиях и практиках выживания, которые использовали сталинградцы, оказавшись в ситуациях, когда помощь официальных властей была малоэффективной или отсутствовала по каким-то причинам полностью.

Определяя свои самые тяжелые впечатления о войне, «дети военного Сталинграда» говорили и писали в своих воспоминаниях в первую очередь об ужасах бомбежек и голоде:

«Мирные люди были измучены бомбежками, истощены голодом, страдали от жажды. Даже страх перед смертью утратил всю свою остроту» [6, с. 159].

Этим воспоминания сталинградцев отличаются от мемуаров тех, кто пережил ленинградскую блокаду и уже затем после эвакуации оказался в Сталинграде или в Сталинградской области. Для этих людей на всю жизнь самым страшным потрясением и испытанием остался голод:

«Главное, что изменилось в нашей жизни с началом войны, это голод <...> Самое страшное воспоминание – это когда мы лежали уже обессиленные и видели все время хлеб во сне» [6, с. 189].

Если в воспоминаниях детей-блокадников детально воспроизводятся ситуации пережитого голода, описывается, как поочередно уходили из жизни в страшных муках один за другим умирающие от голода близкие люди, то в текстах, записанных от тех, чье детство прошло в военном Сталинграде, самые тягостные моменты пережитой войны связаны с гибелью родных и близких от бомбежек и страхом перед бомбовыми ударами. Голод в военном Сталинграде по-разному ощущался и переживался в разных семьях, но был также в числе тяжелейших испытаний того времени:

«Нам встретился знакомый из Коломны, с которым вместе шли. Вот девчонку я даже помню, звали ее Тоська. Она еще хуже меня, а я был как скелет. У нее еще вот тут шерсть росла, вот на этих местах, на шее, говорят, от голода. Звали Тоська ее. Главная задача была – прокормиться. Есть нечего было абсолютно» [6, с. 49];

«Больные, очень больные были дети! Дети в это время были настолько похудевшие и истощенные, и поднимались медленно. Вот те дети Сталинграда, по-настоящему, они очень-очень медленно вставали из пепла» [6, с. 141];

«Голодные годы, конечно, были. Ну что, у меня шесть операций, и желудок большой и все-все. Первая операция была в первом классе, и потом все пошло-пошло. Все это последствия, конечно» [6, с. 75].

Некоторые из наших информантов говорили о том, что их семьи испытывали большие трудности с продуктами, но находили в себе силы и возможности кормить своих детей так, чтобы они не голодали:

«А в Ростовской области когда жили, мы голода с мамой не ощущали. Я голода никогда не понимала, не знала, что это такое. И здесь когда были –

братик натаскал нам зерна много, масла, муки, консервов. А уже когда там мы месяц жили (в Белой Калитве), у мамы было 4 платья крепдешиновых, она их поменяла на яблочки. Кто давал муки – она делала болтушку» [6, с. 181].

«Нет, голода я как-то не ощущал, не запомнил. Но хорошо помню, как за хлебом ходили. В 6 часов, в 5 ходили. Старшие ходили, и я с ними, чтоб хлеб взять в таких формочках» [6, с. 252].

Те, кто провел детство в сельской местности, за пределами Сталинграда, нередко отмечали, что самыми голодными для них были первые послевоенные годы: 1946-й и 1947-й.

Вместе с тем иногда наших информантов смущали и даже возмущали попытки выяснить, каким был рацион их питания в годы войны или какие радостные события запомнились из того времени. Для многих главным воспоминанием было постоянное чувство голода:

«Радостных воспоминаний о войне у меня нет никаких. Ничего. Я только знаю, что я хотела есть. Я только знаю, что я ждала мать. Когда она селедку приносила, я радовалась, когда она давала что-то, я радовалась. А когда она ничего не давала, я ничего уже не спрашивала. Я уже знала, что ничего нет. Какие радости? Когда в голове стоит одна еда, и она снится вам. И я уже была в таком состоянии, что уже и ходить-то не могла. Если бы не 2-е февраля, а где-нибудь 3-е марта, я может и уже жива не была. Я даже не помню, как я жива осталась. Она пошла, случайно узнала, устроилась на работу, и мы начали ездить, и появился хлеб. Я этот хлеб съедала сразу, не оставалось никаких крошек, ничего. И мама еще свой кусочек где-то прятала, чтоб еще вечером мне дать. Она наливала воды, варила из него суп и давала мне пить. Какие радости? Вы о чем?» [6, с. 119].

Серьезные трудности с продовольствием начались у горожан практически сразу после массированных бомбовых ударов, предпринятых немецкой авиацией 23–29 августа 1942 г., когда были практически полностью разрушены три района Сталинграда. В этих условиях мирные жители зачастую не могли рассчитывать на патернализм со стороны официальных органов и для того, чтобы прокормить детей, прибегали к воровству, мародерству, участвовали в открытых грабежах, нередко рискуя собственными жизнями. Для спасения своих детей женщины-матери воровали продукты, рискуя быть схваченными и немецкими сол-

датами, и своими. Так воровали зерно на элеваторе и в неоккупированном Филонове, и в захваченном врагом Сталинграде:

«Мама тогда в охране была на элеваторе. Разбомбили его, а хлеб-то остался – они его охраняли. Мама надевала кальсоны завязанные – вот она насыплет зерна, и ночью, когда она дежурит, говорит своему бригадиру: “Я побежала домой!” Я не сплю, жду, когда мама придет. Идет вокруг окон – топ-топ-топ, я уже слышу ее шаги. Она приходит, высыпает это зерно, которое она насыпала в кальсоны, и бежит опять на работу. Это зерно мы ходили перемалывать на эти жернова на муку и варили кто мамалыгу, кто чего... и ели. И траву ели – лебеду. Очень хорошие из нее были оладушки. Мама пекла. Самое сложное было – ожидание еды. Всегда хотелось есть» [6, с. 334].

Вслед за взрослыми использовали девиантные практики выживания и дети:

«Недалеко от нас была база, и я бегала туда, чтобы взять что-нибудь, консервы украдешь. Ну, тогда не воровали, тогда все брошенное было, а у нас приезжают немцы на машине и начинают шуровать, что есть, все забирают. А я у них воровала. Они пойдут, а я смотрю за этим и как полезу и заберу все, что они у нас забрали... Потом вспоминаются бомбежки, как ходила воровала. Немцы у нас воруют, а мы у них. Ходила на элеватор пшеницу таскала. Мешочек на голову положишь, начнет бомбить, и как картошка из дырявого мешка, так бомбы сыпались...» [5, с. 160].

«После этого несколько суток загибься – ни наших, ни немцев. Только редкие налеты немецких бомбардировщиков. Стали выходить из бомбоубежища за водой и пищей. Город горел. В разрушенных и сожженных магазинах, складах, пекарнях, вагонах с трудом и риском добывали зерно, муку, кое-как питались» [13, с. 187].

В городе, почти полностью разрушенном бомбежками, добыча продуктов с разрушенных складов и магазинов, как правило, не воспринималась и не осознавалась самими горожанами в качестве девиантного поведения, однако всегда была сопряжена с риском для жизни:

«А чем питаться? В районе депо (вокзала) стояли платформы, загруженные солеными бычьими шкурами. Толстые такие бычьи шкуры. Вот мы притащим, опалим эту шкуру, а больше есть совершенно нечего было. Это были трофеи немец-

кие, вот мы их крали. Раз сходили нормально, а второй раз случилось. Ходили-то кто? Мальчишки, брат вот мой и еще один такой же пацан. Второй раз пошли и не дождались, приходим, а он там убитый возле этих шкур лежит» [6, с. 294].

В период уличных боев в городе и во время оккупации началось массовое изъятие продуктов и ценных вещей у оставшихся в городе жителей вражескими солдатами. Нередко за любые съестные припасы разворачивалась настоящая борьба:

«А есть-то нечего, они ходили, кругом ходили. Во-первых, немцы сначала вещи собирали. Потом, когда их прижали, им тоже есть нечего, они забирали все у нас. А деду давали на фабрике кур, отруби. И в развалинах вот это все прятали. Так немцы выследили, и бабушка ночью кирпичики в этих развалинах ставила, разжигала и вот эти лепешки пекла. Немцам тоже жрать нечего, он по запаху нашел. И мы сидим, дети голодные, а он сам поел и с собой еще забрал. И выследили так, что на следующий день там, или через сколько, нашли этот оклунок. И, значит, забрали, тащили, а у них типа штаба, как я называл, где-то они располагались. И вот я помню, и мама помнит: рыжий такой немец, конопатый, тащил этот оклунок. Мама за ним, кидается на него, я за мать, за подол. Он развернется и меня сапогами в сторону, по лицу. А другие два немца стоят на охране и хохочут. А потом я вырос и у мамы спрашиваю: “Мам, ну, вот я помню такой момент, как же это?”. А она говорит: “Вот я обезумевшая была и ничего не понимала. Сейчас-то я понимаю, что я рисковала, а тогда это все было, нечего есть было”» [6, с. 71].

Добывать продовольствие в разрушенном городе приходилось в основном женщинам, но активное участие в этом процессе принимали и дети. Они осуществляли это доступными для них средствами, главным из которых было собирательство. Дети употребляли в пищу и для дальнейшей обработки приносили матерям травы, ягоды, зерна, коренья, мелких грызунов и пр.:

«Мы поели всю траву вокруг, крапиву, лебеду, супы мама варила на этой траве, а мы калачики ели. По всему району вдоль заборов, куда бы ни пошли, росла мальва, маленькие зернышки съедобные, просто зелененькие, просто травка, но они, можно сказать, даже безвкусные. Потом мы эту травку всю съели, и листочки, и до корешков доходили, так хотелось есть. И поэтому у нас в районе

не было мальвы до прошлого года, мы, дети, съели ее, эту траву. Нас же никто не караулил, не сторожил, а есть хотелось... Мама варила суп из травы, всю крапиву поели, мы ездили на саночках за хвостом на затон, где сейчас маяк. Топить-то печку нечем было, и там, где были дубы, мы собирали желуди. Мы пекли их на печке, они горькие были. А есть хотелось. И потом люди добрые были, делились всем, что было... На маслобойном заводе делали масло горчичное, подсолнечное для фронта. Там был жмых, который, конечно, не выбрасывали, а давали людям, которые жили поближе. Мы теперь жили дальше от этого завода, далеко от Изобильной. И люди ходили, набирали жмых горчичника и подсолнечника. Горчичный очень горький был. Горчичник мама кипятила, промывала, сливала воду, потом сушила и из него пекла лепешки. Макуха редко нам доставалась. На Волге мы добывали ил, и сосали его. Гену у нас часто угощали» [6, с. 318].

«Бабулька и мама готовили еду, отец работал, мы – дети помогали бабушке собирать желуди, траву, бегали на рыбалку, стояли за хлебом. Голод чувствовался везде, есть хотелось часто. Мы собирали лебеду, солодик. Лебеду собирали по берегу Волги, но говорили, что она там вредная. Желуди собирали, потом их кололи и мололи на самодельной мельничке, сделанной отцом. Также собирали паслен, из которого летом делали лепешки. Во время войны был недалеко от нас госпиталь Волжской военной флотилии, мы бегали туда собирать картофельные очистки, их и ели, варили из них похлебку. Воду в основном таскали из Волги, бегали к роднику там, где верхняя Судовой верфь. Помню, что мать приносила с завода сахарин, было это очень редко. Сахарин был как шоколад. Мать брала сахарин, был он в виде тонкой плиточки, и опускала его в горячую воду, растапливали и макали в него лепешки из желудей, они были горькие, оладьи из паслена также ели: макали в воду с сахарином. Все старались помочь друг другу, чем могли, в основном в сборе травы, желудей» [6, с. 170–171].

Важнейшей добычей считалось зерно: обгорелое, его таскали из разрушенных элеваторов, добывали из колосков, собранных в полях, доставали (ныряя в Волгу) из затонувших барж, подбирали на железнодорожных вокзалах высыпавшееся из вагонов. И почти всегда делалось это с риском для жизни, под угрозой попасть под пули или снаряды. Собранные зерна перетирали на самодельных жерновах, толкли в ступках (иногда их делали из гильз снарядов), перемалывали на мясорубках. Часто приходилось предварительно очи-

шать зерна от осколков стекла, песка и грязи. Полученную муку расходовали чрезвычайно скупно: подсыпали в кипящую воду, делая таким образом «болтушку», для выпечки лепешек смешивали со жмыхом, отрубями, выпаренной горчичной шелухой, травой и пр.

Нередко подкармливали местных жителей, отдавая свои пайки, советские солдаты. Дети иногда пробирались под обстрелами к красноармейским кухням, где их кормили и давали еду с собой. С чувством благодарности об этом вспоминали многие. И совсем другие чувства – стыда и негодования – связаны с памятью о том, как перепала детям случайная еда от врагов:

«Я помню, как на кострах варили дохлую конину. Потом мы переправились на другой берег Калача. Как сейчас помню, что вверх от берега была дорога, по которой поднималась немецкая машина, откуда мне бросили хлеб. Я бросилась на дорогу, где в пыли лежал кусочек темного хлеба, а немцы смеялись надо мной» [13, с. 138].

«Недалеко был Краснодарск. Там мне запомнилось то, что мы детьми стояли перед столовой, где ели немцы, они нам бросят пустую консервную банку, а мы ее облизываем, а они смеются. Не хочу это вспоминать, это такое унижение было» [6, с. 40].

Впрочем, записаны нами и случаи, которые вспоминались с благодарностью:

«Но были такие случаи, придешь, а есть хочется. К кухне их подойдешь, они там варят, своих кормят. Говоришь: “Пан, кушать?!” Или потому что видели, что маленькая с ведерком стоит, он мне говорил: “Стой!” Постоишь, они поели, и он к себе подзывает. И я руками, что можно в ведро, а что нельзя пальчиком с чанов облизывала. Я к ним нормально отношусь» [6, с. 162].

После освобождения города жители принялись активно осваивать земельные участки под бахчи и огороды. Основной жизни в разрушенном городе становилось натуральное хозяйство. Собственное домашнее хозяйство с домашними животными, бахчами и огородами было основой выживания жителей города (большую часть застройки которого составлял частный сектор) и в послевоенные годы.

Еще одним каналом обеспечения продуктами жителей Сталинграда после его освобождения стала помощь союзников. Приходя-

щие в посылках продукты обычно воспринимались детьми как абсолютная экзотика:

«В те голодные годы мне особенно врезалась в память раздача экзотических подарков из американских посылок для голодающего освобожденного Сталинграда. В пакете были галеты, финики и другие вкусные вещи. Очень хотелось все съесть немедленно и в то же время оттягивали этот момент, чтобы продлить ощущение счастья» [6, с. 234].

Однако в осажденном и оккупированном Сталинграде самым ценным продуктом питания был хлеб. Дети о нем мечтали, видели его во сне и по прошествии многих лет могли подробно и детально описать сорта хлеба с указанием норм его выдачи и цены:

«В 1939–1940 годах наступили перебои с хлебом и его начали развозить по домам по спискам, полкило на человека. Поскольку мать находилась на работе, я непременно должен был дежурить около дома, чтобы хлеб не прозевать. Хлеб до послевоенной реформы 1947 года был развесной. Нам на двоих полагался килограмм. Это составляло приблизительно половину буханки с обязательными приколотыми деревянной палочкой одним-двумя небольшими довесками. Развозил его возчик на телеге с фанерной будкой и списком, наклеенным на фанерный лист. Перед началом войны жизнь заметно улучшилась. В 1941 году хлеб в магазинах продавался уже свободно. Было шесть сортов: черный ржаной по 75 коп.; белый ржаной (“пеклеванный”) по 1 руб. 30 коп.; черный пшеничный (“размольный”) по 90 коп. и белый пшеничный по 1 руб. 50 коп. Был еще более белый по 2 руб. 70 коп. и из такой же муки, но с изюмом по 3 руб. 10 коп. Родился даже анекдот: “У вас изюм есть?” – “Нету”. – “А хлеб с изюмом?” – “Есть”. – “Наковыряйте мне сто грамм”. Как продолжение анекдота сложилось: снять с какой-либо техники детали на запчасти – наковырять изюм из булки. Интересно, что и цены эти по карточкам до самой реформы 47-го не изменились. Разумеется, о белом хлебе речи не шло. На базаре же буханку хлеба можно было купить за 150–300 руб. при очень хорошем заработке около тысячи. Уже после войны продавался без карточек так называемый “коммерческий” хлеб, один килограмм в одни руки. Цену не помню, но чтобы его “достать”, очередь нужно было занять с ночи. Но это я забежал сильно вперед. Карточки в Сталинграде ввели с 1 сентября, через два месяца с небольшим после начала войны. Помню нормы: рабочим – 800 грамм; служащим – 500 грамм; иждивенцам (пенсионеры, дети) – 400 грамм. И за этим

нужно было выстоять многочасовую очередь. Сейчас столько хлеба никто не ест, но нужно понимать, что кроме хлеба, мизерного количества масла и сахара ничего не было. Началось голодное время. Не в том смысле, что люди умирали с голоду, а в том, что постоянно хотелось есть» [14, с. 9].

Большие проблемы у жителей города и в период бомбежек, и во время оккупации возникали с водой. Жажда, по словам тех, кто оставался в военном Сталинграде, переносилась значительно тяжелее, чем голод. И доставалась вода нередко ценой человеческой жизни. Еще в период бомбежек в городе был разрушен водопровод, и жители брали воду из колодцев, уцелевших в частном секторе, из родников в оврагах, из Волги. Иногда до ближайших источников воды приходилось пробираться несколько километров под обстрелами и бомбовыми ударами. Обычно такие вылазки делали в ночное время. Облегчение наступило зимой, когда можно было получать воду, растапливая снег. Вода в Волге и оврагах нередко была смешана с кровью:

«Близко к Волге нельзя было подойти, столько там было крови. На берегу лежали окровавленные тела и части тел. Было страшно, и мы убегали отсюда без воды» [13, с. 244].

Многие вспоминали о том, как и какой ценой добывали воду:

«Мы выбрались из землянки, нашли вблизи несколько водоводных колодцев с чугунными крышками и спрятались в них. Несколько дней находились в колодцах без воды и еды. Мать собирала ложкой росу с крышки и поила младшую сестренку» [13, с. 112].

«Потом ходили на Волгу за водой. Уже потом, когда город освободили, мы ходили на Волгу. Придешь на Волгу, особенно уже в март месяц, трупы плывут. Труп оттолкнешь, воды наберешь и пошел. Но самое страшное – это без воды. Без воды приходилось сидеть. Вот, когда все тут горело, воды нет. Мы забежали в какой-то двор, и там был колодец, а в нем вода горько-соленая. А у меня, у маминной сестры был Володя, он еще живой сейчас. И ему было два годика, наверно, и он: “Пить, пить, дайте пить”. Ему: “Вова, подожди, водички нет, подожди”. Он: “Чтобы вам бомбы сюда упали!”. Ну, глупые же мы. И когда мы пришли сюда, а вода горько-соленая. И я помню, мама набрала в банку, и я говорю: “Мам, дай я напьюсь”. Она мне: “Вода горько-соленая, что ж ты ее пить будешь?”. И я эту воду

выпила, как будто она не соленая была. Я когда попала на море, первым делом покушала воду, честно Вам говорю. И думаю, не-е-ет, эта вода в море не соленая» [6, с. 383–384].

Наряду с хлебом и водой в рационе питания взрослых и детей были и различные комбинации этих двух основных компонентов с добавками какого-то третьего (обычно малопригодного для употребления в пищу): водяные супы и замешанные на воде лепешки. С появлением новых (нередко просто подзабытых горожанами) блюд появлялась и соответствующая терминология для их обозначения: тюря, суп-болтушка, лепешки-преснушки и лепешки-тошнотики (из мерзлых картофельных очисток). С появлением продуктовой помощи союзников распространился термин «второй фронт», применяемый к американской тушенке. А Сурдутович в своих воспоминаниях перечислял термины, используемые горожанами в период действия карточной системы для обозначения способов добычи продуктов: «отovarить», «выдать», «получить», «отпустить», которые вытеснили привычные ранее «продать» и «купить» [14, с. 76].

Широкое распространение в условиях начавшегося в городе голода получили пищевые аномалии, то есть употребление в пищу продуктов, признаваемых ранее несъедобными. В качестве еды использовали горчичную шелуху, жмых, шкуры и мясо павших животных, пищевые отходы. Зимой 1942–1943 гг. в городе исчезли кошки и собаки. Дети ели глину, ил, вшей:

«Голодно было и холодно. Вшей своих ели. Залезу в волосы, горсть вытащу и сию, ем, и не я одна так делала, вот так вот... Я все ела. Порой придешь на Волгу, а там ил, я колышком с него песок сниму, а ил съем. Как выжили – не знаю. Мы почти все растения ели, акацию объедали, что-то типа подорожника, ну, в общем, мы все ели. Все поедали. Какой там быт, голод один... Вот про еду еще, порой пойдешь на рынок, а там люди рыбу чистят, кожуру соберешь, поджаришь и ешь эти корочки» [6, с. 160].

«На Кожзаводе обрывки кожи собирали, мама потом их варила. Однажды вдоль железной дороги шел состав с касторкой, и на железнодорожном полотне было много касторки. Мы с детьми наелись ее, и я отравилась» [13, с. 183].

«А зимой мама с соседкой ездили на горчичный завод в Сарепту и привозили оттуда шелуху гор-

чичную. И вот мама ее выпаривала. У соседей был мальчик маленький, и когда они выпаривали эту шелуху, а она же горькая, в глаза лезет, а он сидит, плачет и говорит: “Я пышки хочу!” Они ее как-то выпаривали и делали горчичные пышки. Вот еще этими горчичными пышками кормились. А вот когда есть совсем нечего было, наверное, в 1947 году – тогда же хлеба не было, все по карточкам давали, тогда со стен просто соскребала и сосала; есть хотелось, а нечего поесть» [6, с. 127].

«Есть нечего, ходил тайком к какой-то яме, откуда доставал кишки то ли лошадей, то ли собак» [13, с. 108].

В определенном смысле слова аномальными были в некоторых случаях и способы приготовления еды: на пепелищах собственных домов:

«Потом, папа уже, когда пришел, холодно было, мама приходит и говорит: “Вань, у нас дом загорелся”. А дом был деревянный, шелеванный. Знаете, шелеванный? Досочками такими отделан, с резными окнами. И говорит: “Около дома горело троссирующее поле”. А папа говорит: “Слушай, Валь, нам все равно в этом месиве не выжить. Пускай горит, хоть картошки испечем”. И вот к утру дом рухнул. Мы, конечно, испекли картошки, у нас был праздник – печеная картошка» [6, с. 106].

«Пока жили в убежище, наши матери по очереди грели какую-то еду на углях сгоревшего дома» [13, с. 75].

Нормой военного Сталинграда стало приготовление и употребление пищи преимущественно в ночное время суток, что, безусловно, было аномальным для мирного времени. Связано это было с тем, что чаще всего в ночное время наступало затишье в боевых действиях; ночью также можно было не опасаться прихода с обыском оголодавших немецких солдат:

«По ночам готовили пищу, по ночам и мертвых хоронили в садах» [13, с. 93].

Война внесла существенные коррективы не только в способы получения продуктов и в оценки степени их съедобности или значимости для выживания; изменился также и характер потребления пищи, сформировался целый ряд связанных с этим пищевых запретов и предписаний. Не только в памяти наших информантов, но и в их последующей жизни ос-

тались традиции обязательного раздела еды с окружающими людьми, привычки употреблять в пищу хлеб в качестве самостоятельного блюда, есть его маленькими кусочками; предпочтение горбушек и пр.:

«В детдоме воспитатели очень добросовестно относились к своей работе, чувствовалась их забота. Но, в то же время, голод преследовал нас и там. Были карточки, по ним давали кусочек хлеба. Мы этот хлеб сразу не ели, прятали то в рукав, то под подушку, и ели потом. У меня привычка кушать без хлеба сохранилась и по сей день» [6, с. 157].

«Вот сестре давали карточку – 500 грамм, и мне – 300 грамм. Я куплю хлеб. А хлеб был как камень. Вот я получу этот хлеб на карточки, разделю на четыре части. Одну часть продам, чтобы завтра хлеб выкупить, одну часть – до вечера мне, одну сестре к заводу принесу, чтобы ей дать. Вот это вот весь быт наш – 800 грамм хлеба, больше ничего. Откуда мы купили? Не знаю, откуда. Сестра купила где-то ведро квашеной капусты. Так это казалось, что это сладость, это мед, что-то невероятное. А остальное – я продам вот этот хлеб и куплю себе стакан семечек. Вот это я целый день по семечкам этим» [6, с. 385].

«Помню, я выходил во двор со “сталинградским пирожным” (кусоч хлеба, смазанный горчичным маслом. – М. Р.) и проходил мимо пацанов. Тогда была такая дворовая заповедь: любой мог подойти и сказать: “Дай малость”. И нужно обязательно дать кусочек, нельзя отказывать. И вот я выходил и одаривал желающих кусочками» [8].

«До сих пор я, если что беру, разделю с девочками. А мама у нас до сих пор семечки делит» [6, с. 111].

Привычка принимать пищу ночью сохранялась у многих детей и после освобождения города, о чем вспоминали впоследствии воспитатели детских домов:

«Воспитатели думали, что они никогда не накормят детей. Все сначала просили только хлеба. И, когда получали кусочек, сосали его как конфету. Некоторые просили есть ночью» [4, с. 115].

Особым стереотипом военного и послевоенного времени стал хлеб с «довесками», которые особенно любили дети. Взрослые позволяли им есть довески, не включая их обычно в общесемейный раздел:

«Хлеб тогда выпекался приблизительно в двухкилограммовых буханках. Приблизительно, пото-

му что он все равно, как я уже упоминал, продавался по весу. Один-два довеска за многие годы стали необходимым психологическим стереотипом. Без них хлеб воспринимался как бы полученным не полностью. И было особенным удовольствием съесть эти кусочки в 30–50 грамм по дороге домой» [14, с. 75–76].

«Когда хлеб нам давали, то продавщица всегда маленький довесочек от нашего же куска клала, этот довесочек я съедала, пока домой шла, но больше я крошки от хлеба не ела» [6, с. 21].

Употребление хлеба и других продуктов было связано с особой бережливостью и попытками продлить этот процесс как можно дольше:

«Хлеб давали по 125 грамм. Черный. Вот как сейчас. Бородинский, а тот – еще хлеще. Такой тугой хлеб. Он для нас был как картофель: мы его не ели, а сосали, чтобы на дольше хватило» [7, с. 342].

«Вот мама ножом отрежет хлеб, это еще по карточкам давали, отрежет нам, а хлеб налипнет на этот нож, так мы с ножа собирали! И ели. Какие голодные были!» [6, с. 358].

«У тети Дуся была маленькая бутылочка с маслом, она обмакивала в ней палочку и окунала ее в суп или кашу» [13, с. 183].

Щемящий рассказ, относящийся уже к послевоенному времени, о том, как страдала пожилая женщина, съевшая половину хлебного пайка, предназначенного внуку, записан нами от Ю.Ф. Севостьяновой:

«Сейчас вот расскажу случай. Моя бабушка... А тогда было так..., вот, где сейчас парк Гагарина, прям буквально через дорогу, братишка мой ходил в детсад. Это здание до сих пор сохранилось. Вот братишка в тот садик ходил после войны. И было так: если ребенок заболел (голод же свирепствовал несколько лет), бабушка или кто-то из родственников шли в садик с посудой и брали весь рацион ребенка: там, супчик какой, кашку какую в посудочки и маленький кусочек хлеба. Бабушка вот шла и несла все это. А вот насколько был соблазн к этому кусочку хлеба! Она раз крошечку, второй раз крошечку. Глянула, а полкусочка нет. Она чуть в петлю не полезла! Она так кричала, так плакала, что оголодила ребенка...» [7, с. 80].

Большинство наших информантов назвали самым радостным событием в их детстве отмену хлебных карточек в 1947 г., дававшую возможность избавления от строжайшего нор-

мирования потребления хлеба. Это событие запечатлелось в памяти многих деталями и подробностями, в которых и запах свежеспеченного хлеба, и облик магазинов, и заваленный буханками кухонный стол:

«А вот потом у нас радость была, когда в 1947-м году отменили карточки <...> Единственное, что я помню, что я шла в этот магазин, и этот хлебный запах еще был издали, тогда ж был натуральный хлеб. Запах этот хлебный был по всему поселку. Я булки брала, батоны, я не хлеб брала. Я помню, что я их ела, день и ночь я их ела, думала, я никогда ими не наемся. И я каждый день шла к этому магазину и издали еще смотрела, не закрылся ли он?» [6, с. 119].

«Помню, как в 1947-м году отменили хлебные карточки. Наверное, власти предполагали, что спрос на хлеб будет огромный. Все же впроголодь жили. И в городе открыли очень много точек продажи хлеба. Хлебом в первый день отмены карточек торговали буквально на каждом углу. И все члены нашей семьи его накупили очень много. Каждый идет и думает: а вдруг мать не смогла купить, куплю я. И так все мы. А, главное, так это было приятно покупать хлеб свободно, сколько хочешь. Это такое событие было! Я купила несколько буханок, прихожу домой, а весь стол хлебом завален, мои уже и положить некуда» [6, с. 211].

Даже с появлением в свободной продаже конфет и пряников многие дети продолжали просить у своих матерей именно хлеб, считая его самым лучшим лакомством. В первые послевоенные годы, когда в свободной продаже стали появляться «довоенные» продукты и лакомства, обнаружился феномен первооткрытия для многих детей отдельных видов еды: яиц, шоколада, пирожных и пр.:

«Помню, как после войны нам, детям, стали раздавать пирожные, а всем детям сказали, что это торт. А я встала и гордо всем ответила, что это пирожные, а еще есть мороженое. Дети тогда голодные были, не знающие, что это. Ну и, конечно же, мне никто тогда не поверил» [9].

«Если вот Светланка кур видела, какие-то яйца видела, то мы – нет. Мы ели лебеду» [7, с. 341].

«Однажды приехала мамина подруга, ее муж долго жил в Германии. И вот она позвала меня к себе и дает мне маленькую мину с рожками, кладет мне ее в сумку и говорит: “Идешь домой, и нигде не останавливаешься, никому не говоришь, что

ты в сумке несешь, а дома пусть мать или отец ее обезвредят”. Я пришла домой и заявила, что Инна Федоровна мину вам передала. Мама достала эту мину, бабушка была в шоке, но мама открутила эти рожки, и это оказался фигурный шоколад, сделанный в виде мины. Когда мне дали кусочек, то я сразу вспомнила вкус шоколада. Валя тоже. А Витка выплюнул, он не понимал этого вкуса, хотя ему было уже лет пять. Многих вещей дети того времени не знали» [6, с. 22–23].

Рассказывая о голоде и жизни впроголодь, наши информанты часто вспоминали и о соседской взаимопомощи, столь характерной для народной традиции, особенно в период социальных катаклизмов. Она вновь возрождалась и актуализировалась среди взрослых в экстремальных условиях военного времени, став одной из ключевых стратегий выживания:

«Особых сложностей в быту я не помню, запомнилась только людская дружба и взаимопомощь. Вот, например, когда я потерял карточки на хлеб, мы пошли к соседям, и они нам дали свои. Потом мы им яички отнесли, так как у них не было» [6, с. 173].

О подвижничестве своей бабушки, кормившей обездоленных людей в своем селе, вспоминала Р.А. Малышева (Чернецова), отмечавшая общее ощущение взаимного родства односельчан в годы войны:

«В начале Сталинградской битвы, мы жили уже в селе. У нас были куры, козы, у нас была корова. Помню, как бабушка доила корову и раздавала молоко всем в деревне, по всей деревне, по баночкам. Помню, на столе у нас стояли баночки – много-много, кастрюльки, в общем, все приносили и бабушка разливала и раздавала соседям это молоко. Не хватало ведь ничего, хлеба не было вообще. Я еще помню, как я ходила по берегу и рвала лебеду. Бабушка мелко-мелко ее резала, и на отрубях заделывала лепешки из этой лебеды. И тоже мы делились кусочками, резали на мелкие треугольнички эту лепешку, и тоже всем-всем раздавали. Причем, собирались все у церкви, все люди, кто имел хоть немножечко продовольствия, все всё несли к этой церкви или относили прямо в саму церковь и в церкви еще раздавали еду. Помню, что мы с деревьев снимали кору и мелко-мелко толкли ее в ступе. Бабушка наливала в аппарат для толчения масла молоко и мы сбрасывали эту кору в этот аппарат, а потом толкли этой ступкой, смешивали с лебедой, потом в печь и ели эти лепешки. У нас была рус-

ская большая печь, мы ее топили, и родственники по папиной линии к нам приходили, и все дети, у кого было холодно, шли к нашей бабушке, чтобы согреться на печи. Взаимопомощь была необыкновенная. Как родственники все стали. Вот так сплотила эта война, что все стали просто от души помогать друг другу. Делились всем, чем могли. Не было такого, что кто-то жил хорошо, кто-то плохо, все село объединило это горе и все стали равны» [6, с. 475].

Воспоминания о голоде и связанных с едой ощущениях и переживаниях преследовали «детей военного Сталинграда» и после того, как они уже стали взрослыми (так же как и память о бомбежках):

«Остались ли от войны страхи? Голод остался. Голод – это самый страх. Мне одна помощник депутата звонит и говорит: “Елена Георгиевна, что Вам принести, Вы же лежите?” Я говорю: “Ничего не надо”. Опять звонит. Я говорю: “Ничего не надо”. ...Блокадник никогда пустой холодильник не оставит. Он так затарит его, что там все ломиться будет. И кругом. Я говорю: “Светлана Ивановна, Вы же ведь знаете, что я блокадница!” У меня если на 6 месяцев нет запаса, я голодом умираю. И вот, кажется, если у меня чуть-чуть осталось – это все, это значит, завтра голод будет! Я скорее покупаю» [6, с. 178].

Многие из наших информантов уже в наши дни хотели вновь испытать те чувства и ощущения, которые вызывали у них съеденные когда-то в условиях голода продукты. С этой целью они проводили своеобразные эксперименты, пытаясь приготовить кашу-размазню или заморозить на балконе кусочки хлеба:

«Я всю жизнь пытался вспомнить этот вкус. И вот года два или три назад прихожу к нашим ленинградцам и говорю: “Ребята, вспомнил! Во рту вот этот вкус!” Я через два дня наморозил этих шкурочек – и на сухую сковородку. Но ничего не получилось. Гадость! И вот эту гречневую кашу-размазню помню. Вкусная! Никогда не смог сварить такую. И дело не в том, что продукты сейчас другие, другая вода. Нет, не в этом дело. Когда жрать не дают... Когда вы приходите в магазин, сытно пообедав, тогда вам то не надо, это не надо. А на голодный желудок вам все кажется вкусным» [6, с. 60].

Как показал проведенный анализ, в военное время практики питания детей Сталин-

града нередко оказывались спущенными до уровня простого удовлетворения физического запроса организма, получили распространение различного рода пищевые аномалии и девиации. Однако и в этих условиях сохранялись традиции преодоления голода и его последствий, сформировавшиеся в русской народной среде и передаваемые от поколения к поколению. В практиках питания жителей военного Сталинграда сохранялся и актуализировался предшествующий опыт поколений, в жизни которых уже были и войны, и голод, а в коллективной памяти сохранялась информация о народных способах выживания в экстремальных условиях. Детский мир копировал и воспроизводил эти практики от взрослых, усваивая традиции соседской взаимопомощи, бережного отношения к еде, способы ее добычи и потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-12036-а (ц) «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

² По специально разработанным вопросам в 2014–2015 гг. было опрошено 264 человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «...и горела Волга»: оставшиеся в живых сталинградцы вспоминают. Документация. – Волгоград : Издатель, 2004. – 291 с.
2. Австрийсков, Е. В. Организация помощи семьям красноармейцев и инвалидам Великой Отечественной войны в Сталинградской области в 1943–1945 годах / Е. В. Австрийсков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. – 2006. – Вып. 5. – С. 6–9.
3. Австрийсков, Е. В. Продовольственное снабжение сталинградцев в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Австрийсков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Социально-экономические науки и искусство». – 2013. – № 3. – С. 73–75.
4. Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. – М. : Вече, 2011. – 384 с.
5. Воспоминания детей военного Сталинграда / гл. ред. Л. П. Овчинникова. – М. : Знак, 2010. – 208 с.

6. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города / под ред. М. А. Рыбловой. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2014. – 512 с.

7. Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города / под ред. М. А. Рыбловой. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2015. – 360 с.

8. Интервью с В.И. Мамонтовым / интервьюер М.А. Рыблова. 23.10.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ. – Волгоград, 2014.

9. Интервью с Л.С. Поляковой, 1935 г. р. / интервьюер Е.А. Лисовая. 20.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ. – Волгоград, 2014.

10. Кузнецова, Н. В. Обеспечение населения Сталинграда продовольствием в 1943–1945 гг. / Н. В. Кузнецова // Окончание войны в Сталинграде и Кельне. 1943–1945 : материалы науч. конф., г. Волгоград, апр. 1995 г. – Волгоград, 1997. – С. 100–106.

11. Лангевише, Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время / Д. Лангевише // *Ab Imperio*. – 2001. – № 4. – С. 7–29.

12. Павлова, Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т. А. Павлова. – Волгоград : Перемена, 2005. – 594 с.

13. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... / сост. Г. В. Егорова, Е. А. Соколова. – Волгоград : Царицын. полигр. компания, 2013. – 136 с.

14. Сурдутович, А. Г. Как это было / А. Г. Сурдутович. – Волгоград : Издатель, 2012. – 96 с.

REFERENCES

1. “...i gorela Volga”: *ostavshiesya v zhivyykh stalingradtsy vspominayut. Dokumentatsiya* [“...and Volga Was Burning”: Survived Stalingrad Citizens Recall. Documentation]. Volgograd, Izdatel Publ., 2004. 291 p.
2. Avstriyskov E.V. Organizatsiya pomoshchi semyam krasnoarmeytsev i invalidam Velikoy Otechestvennoy voyny v Stalingradskoy oblasti v 1943-1945 godakh [Organization of Help to the Families of Red Army Soldiers and Disabled Veterans of the Great Patriotic War in the Stalingrad Region in 1943-1945]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists’ Research], 2006, iss. 5, pp. 6-9.
3. Avstriyskov E.V. Prodovolstvennoe snabzhenie stalingradtsev v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Stalingrad Citizens’ Food Supplying During Great Patriotic War]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya “Sotsialno-ekonomicheskie nauki i iskusstvo”*, 2013, no. 3, pp. 73-75.

4. *Voyna glazami detey. Svidetelstva ochevidtsev* [War in the Children's View. Witnesses Recollections]. Moscow, Veche Publ., 2011. 384 p.

5. Ovchinnikov L.P., ed. *Vospominaniya detey voennogo Stalingrada* [Recollections of War-Time Stalingrad's Children]. Moscow, Znak Publ., 2010. 208 p.

6. Ryblova M.A., ed. *Deti i voyna: Stalingrads-kaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda* [Children and War: Stalingrad Battle and Life in the War-Time Stalingrad in the Recollections of Its Citizens]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2014. 512 p.

7. Ryblova M.A., ed. *Deti Stalingrada: 10 let posle voyny. Vospominaniya zhiteley goroda* [The Children of Stalingrad: 10 Years After the War. Citizens' Recollections]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala RANKhiGS, 2015. 360 p.

8. Intervyu s V.I. Mamontovym. Intervyuer M.A. Ryblova. 23.10.2014 [Interview With V.I. Mamontov. Recorded by M.A. Ryblova, October 23, 2014, Volgograd]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University]. Volgograd, 2014.

9. Intervyu s L.S. Polyakovoy, 1935 g.r. Intervyuer E.A. Lisovaya. 20.07.2014 [Interview With L.S. Polyakova, Born in 1935. Recorded by E.A. Lisovaya, July 20, 2014]. *Arkhiv muzeya*

kazachyego byta VolGU [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University]. Volgograd, 2014.

10. Kuznetsova N.V. Obespechenie naseleniya Stalingrada prodovolstviem v 1943-1945 gg. [Food Supply to Stalingrad Population in 1943-1945]. *Okonchanie voyny v Stalingrade i Kelne. 1943-1945: Materialy nauchnoy konferentsii, Volgograd, aprel 1995 g.* [The End of the War in Stalingrad and Cologne. 1943-1945: Proceedings of the Scientific Conference, Volgograd, April 1995]. Volgograd, 1997, pp. 100-106.

11. Langevishe D. Chto takoe voyna? Evolyutsiya fenomena voyny i ee legitimatsiya v Novoe vremya [What Is War? War Phenomena Evolution and Its Legitimation at the New Time]. *Ab Imperio*, 2001, no. 4, pp. 7-29.

12. Pavlova T.A. *Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoy bitve* [The Coded Tragedy: Civilian Population in the Stalingrad Battle]. Volgograd, Peremena Publ., 2005. 594 p.

13. Egorova G.V., Sokolova E.A., eds. *Stalingradskoe detstvo. 23 avgusta 1942 goda...* [Stalingrad Childhood. August 23, 1942]. Volgograd, Tsaritsynskaya poligraficheskaya kompaniya, 2013. 136 p.

14. Surdutovich A.G. *Kak eto bylo* [The Way It Was]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 96 p.

CHILDREN OF STALINGRAD: WARTIME FOOD PRACTICES

Marina Aleksandrovna Ryblova

Doctor of Sciences (History),
Leading Researcher, Southern Scientific Center, RAN,
Professor, Department of International Relations and Foreign Area Studies,
Volgograd State University
ryblova@mail.ru
Prosp. Chekhova, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. This article gives analysis of food practices of children in Stalingrad during the War, based on an earlier published memories and also results of 264 interviews of Volgograd and Volgograd region citizens, whose childhood took place during the Great Patriotic War.

Based on historical and anthropological approach, this study reveals and characterizes dramatic changes, which took place in those children' dietary ration, methods of getting food, its processing and consumption during their life in the city ruined by bombardments, sieged and later occupied by enemy forces.

The conducted analysis revealed that in most cases children of Stalingrad copied the experience of adults in their attempts to get food for themselves and provide it to their relatives. So, in a wide use there were such deviant practices of survival as marauding and stealing; archaic feeding methods as gathering and natural economy revival; and feeding anomalies as eating for such products that have been never used in the past. At the same time experience of previous generations who lived through wars and hunger and who preserved in their collective memory information about folk traditions of survival in the

extreme circumstances, has been preserved and actualized in the life support system of all Stalingrad citizens.

At the war time food practices of Stalingrad citizens downgraded were often to the level of simple physical satisfaction, traditions of feasts settings were curtailed, and rules and restrictions related to the previous had disappeared. But even in difficult conditions of ruined and sieged city Stalingrad citizens and their children widely used methods and ways of hunger and its effects overcoming, that were formed in the Russian national environment, i.e. neighbours mutual aid traditions, caring attitude towards food, and methods of its search and consumption.

Key words: anthropology of wartime childhood, children's strategies and practices of survival during the war, food practices in extreme conditions, "children of wartime Stalingrad", mutual assistance.